

РЕЦЕНЗИИ

Е.А. Баженова

Пермский государственный университет

**Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Бакланова Е.А. и др.
Коммуникативная стилистика текста: лексическая
регулятивность в текстовой деятельности: коллективная
монография / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск:
Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2011. 492 с.**

Аннотация: В рецензии на коллективную монографию «Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности» под редакцией проф. Н.С. Болотновой (Томск, 2011) содержится оценка актуальности и научной новизны исследования, значимости теории регулятивности текста для изучения речевых произведений разных сфер коммуникации. Отмечается большой вклад авторского коллектива в развитие российской стилистики.

The review of the co-offered monograph «The Communicative Stylistics of the Text: Lexical Regularity in the Textual Activities» (edited by professor N.S. Bolotnova, Tomsk, 2011) contains the evaluation of the urgency and scientific research novelty, the importance of regulative theory for the investigation of texts, representing different communicative spheres. It is worth noting that a group of authors made a significant impact on the development of Russian Stylistics.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, текст, теория регулятивности, лексическая регулятивность текста, регулятивная стратегия, регулятивное средство.

Communicative stylistics, text, regulative theory, lexical regularity of the text, regulative strategy, means of regulation.

ББК: 81.411.2-5.

Контактная информация: Пермь, ул. Букирева, 15. ПГНИУ, кафедра русского языка и стилистики. Тел. (342) 2396256. E-mail: bazhenova_e2000@mail.ru.

Выход монографии – яркая веха в развитии Томской школы коммуникативной стилистики, основанной профессором Н.С. Болотновой, автором многочисленных работ по коммуникативной стилистике, вдохновителем и научным редактором новой книги. Совместный труд томских стилистов является образцом продуктивной творческой деятельности коллектива единомышленников, в полной мере соответствующего понятию сложившейся научной школы.

Из обширной библиографии книги можно заключить, что первый этап в развитии школы – с конца 80-х гг. до рубежа веков – стал *фундаментальным* в плане разработки Н.С. Болотновой общей стратегии коммуникативной стилистики и создания ею теории регулятивности художественного текста. Этот этап связан с формированием теоретических основ и категориального аппарата нового научного направления, уточнением подходов к интерпретации текста как сложноорганизованной системы регулятивных средств и осмыслением места коммуникативной стилистики в ряду смежных дисциплин. Именно теория регулятивности, получившая к рубежу веков широкую известность в российской лингвистике, стала краеугольным камнем в фундаменте научной школы.

Содержание монографии свидетельствует, с одной стороны, об *интенсивном развитии* школы, с другой – о *синтезирующем* этапе в деятельности томских ученых. Теория регулятивности, возникшая первоначально в рамках стилистики поэтической речи, в новой книге значительно расширяет область своего приложения. Авторский коллектив, в состав которого, помимо Н.С. Болотновой, входят И.И. Бабенко, Е.А. Бакланова, А.В. Болотнов, А.А. Васильева, А.В. Громова, С.М. Карпенко, И.В. Кочетова, А.В. Курьянович, О.В. Орлова, Н.Г. Петрова, И.Н. Тюкова и Т.Е. Яцуга, объединяет цель «обобщения и систематизации <...> данных о природе регулятивности разных текстов, ее особенностях, возможностях в рамках разных сфер общения с учетом типа текста, его целей и задач, фактора адресата, интенции автора, его идиостиля» (с. 10). Авторы полностью реализовали свой масштабный замысел, подтвердив эвристический потенциал теории регулятивности и ее высокую продуктивность.

Многоаспектный подход к изучению феномена регулятивности в произведениях разной жанрово-стилевой принадлежности потребовал разработки специальной методики, связанной с поэтапным использованием общенаучных, общелингвистических и частных методов (сравнительно-сопоставительный, семантико-стилистический, структурно-семиотический, концептуальный, интертекстуальный и др.). Особая роль отведена экспериментальным исследованиям, позволяющим установить регулятивный потенциал языковых единиц и их значимость для интерпретации текста адресатом. Ценность предложенной методики мы видим в том, что общие подходы и конкретные технологии анализа могут быть применены к изучению любого речевого произведения. Благодаря тому, что теория регулятивности носит принципиально текстоцентрический характер, спектр ее действия значительно шире, чем спектр действия конкурирующих концепций – прагматики, психолингвистики, суггестивной лингвистики и др.

Композиция книги, состоящей из пяти глав, определяется логикой дедуктивного исследования. В первой главе компактно и в то же время информативно излагаются основы теории регулятивности в ее соотнесенности с функциональной лексикологией, теорией речевого воздействия, прагматикой, психолингвистикой и суггестивной лингвистикой. В главах 2 – 5 показано приложение этой теории к анализу конкретных текстов. Нельзя не отметить, что объем и разнообразие эмпирического материала поражает даже искушенного читателя научных книг: анализу подвергается практически вся поэзия серебряного века, прозаические произведения, тексты автобиографий, газетная публицистика, реклама, тексты радиопередач, эпистолярные тексты! Продуманная аргументативная стратегия авторов монографии обеспечивает целостное понимание регулятивности как универсальной категории текста, получающей воплощение в любом речевом произведении.

Представим ключевые положения **первой главы**, утверждающие новый подход к стилистическому анализу текста.

Развивая идеи Е.В. Сидорова, Н.С. Болотнова трактует **регулятивность** как «системное качество текста, заключающееся в его способности “управлять” познавательной деятельностью читателя» (с. 13). Это лаконичное по форме определение глубоко содержательно, поскольку в нем раскрывается онтологическая, т.е. коммуникативная, природа текста. Каковы механизмы воздействия текста на читателя? Как в сознании адресата формируется смысл текста, адекватный замыслу автора? Какие единицы текста *пробуждают* читателя, вызывая эмоциональный отклик, и *побуждают* его к сопереживанию, диалогу с автором, наконец, к активной интерпретационной деятельности? Теория регулятивности с разной степенью полноты отвечает на эти сложные вопросы и тем самым переводит исследование текста на качественно новый уровень осмысления, значимый не только для коммуникативной стилистики, но и для лингвистики в целом.

Терминсистема теории включает следующие основные понятия: *способы регулятивности, доминанта регулятивности, регулятивная функция текста,*

регулятивные средства, регулятивные структуры, регулятивные стратегии, сила регулятивности, регулятивный эффект. Содержание каждого из этих понятий раскрывается в теоретической главе, а затем существенно углубляется и конкретизируется при анализе материала.

Так, под *способами регулятивности* понимаются «принципы организации различных текстовых микроструктур, регулирующих процесс восприятия речевого произведения адресатом на основе соотнесенности с общей целевой программой текста и спецификой канала связи» (с. 14). Выбор способов регулятивности зависит от коммуникативной стратегии автора и соотносится с его замыслом. В речевой ткани конкретного текста регулятивная стратегия репрезентируется *регулятивными средствами* – лингвистическими (ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и стилистические) и экстралингвистическими (композиционные, логические, графические). В силу того что ключевая роль в общении отводится слову, авторы монографии фокусируют внимание преимущественно на лексических регулятивах, обоснованно выдвигая понятие *лексической регулятивности* в заголовок книги.

Ведущую роль в гармонизации диалога автора и адресата играет *регулятивная стратегия текста*. Раскрывая содержание понятия (параграф 2.3), Н.С. Болотнова устанавливает факторы, определяющие специфику реализации регулятивных стратегий в текстах разных сфер общения, а именно: 1) *канал связи* между автором и читателем; 2) *знание языка (кода)*; 3) *общность тезауруса коммуникантов*; 4) наличие у адресанта и адресата *общих социальных, исторических и национальных знаний*; 5) наличие *целей и мотивов* текстовой деятельности; 6) учет *коммуникативно-прагматических правил общения* (с. 267–268). В монографии описаны различные виды регулятивных стратегий, использованных поэтами, писателями, журналистами, копирайтерами (стратегии *эксплицитная* и *имплицитная*, *сильная* и *слабая*, *однородная* и *неоднородная*, стратегия *обманутого ожидания*, стратегии *последовательно-конвергентного* и *парадоксально-контрастного* типов и др.). Научная ценность этого аспекта теории регулятивности заключается, с одной стороны, в объяснении механизмов текстообразования в различных сферах общения, с другой – в углублении типологии коммуникативных стратегий речевой деятельности.

Первостепенное значение для понимания феномена регулятивности имеет изучение *коммуникативных универсалий*, т.е. *законов структурирования текста*. Применительно к художественной коммуникации Н.С. Болотнова формулирует четыре таких закона:

1) *закон смысловой избыточности*, связанный с многократной актуализацией одного и того же смысла с помощью разных лексических средств (с. 50–52);

2) *закон «экономии» языковых средств*, создающей «смысловые скважины» текста (там же);

3) *закон гармонического соответствия текстовой парадигматики и синтагматики*, отражающий мотивированность «плана выражения» текста художественным образом и вызываемыми этим образом ассоциациями (с. 56–59);

4) *закон гармонического соответствия уникальных и типовых текстовых ассоциаций*, раскрывающий соотношение между неповторимостью индивидуального художественного мира автора и его желанием быть понятым читателем (с. 59–60).

Представляется, что значение «законотворческой» деятельности руководителя авторского коллектива выходит далеко за рамки теории лексической регулятивности. Установленные Н.С. Болотновой закономерности смысловой структуры поэтических текстов не только раскрывают их эстетическую и коммуникативную природу, но и позволяют проникнуть в тайну «золотого сечения» поэтического произведения, хранящую в себе ключ к постижению его гармонии. В этом смысле вклад Н.С. Болотновой в развитие теории художественной речи трудно переоце-

нить. Кроме того, знание законов и универсальных способов регулятивности текста позволяет точнее определить индивидуальные особенности архитектуры и поэтики, а значит, понять идиостиль писателя в новом, коммуникативно-деятельностном аспекте.

Проблема индивидуальных предпочтений автора исследуется во **второй главе** монографии, содержащей многоаспектный анализ регулятивов в **поэзии серебряного века** – лирике К. Бальмонта, М. Цветаевой, О. Мандельштама, М. Волошина, А. Ахматовой, З. Гиппиус, А. Белого, Н. Гумилева, И. Северянина, Б. Пастернака. Особую ценность материалов этой главы мы видим в том, что анализ «регулятивного устройства» текста проводится, во-первых, с учетом специфики образно-ассоциативной картины мира каждого поэта; во-вторых, с учетом культурного кода эпохи. Кроме того, здесь получает дальнейшее развитие и конкретизацию ключевое понятие концепции – коммуникативные универсалии текста посредством изучения их языкового воплощения в поэтических дискурсах М. Цветаевой, Б. Пастернака и И. Бродского.

Так, по наблюдениям О.В. Орловой, своеобразие стихотворений **И. Бродского** заключается в «итеративности» – использовании повторов, интегрирующих константы художественного мира автора, важнейшая из которых – рефлексия над феноменом собственного поэтического дара (с. 65–83). И.Н. Тюкова формулирует «максимы» **Б. Пастернака** – правила гармонизации его стихотворений (с. 83–99). А.В. Болотнов доказывает, что коммуникативные универсалии поэзии **М. Цветаевой** обладают особой энергией воздействия на адресата и отражают максимализм поэта (с. 99–103).

Изучение регулятивности позволяет раскрыть индивидуальную творческую манеру автора. Например, в поэзии **К. Бальмонта**, как показывает Н.Г. Петрова (с. 114–140), большую роль играют заглавия и синтаксический параллелизм с тождественным лексическим наполнением. **М. Цветаева** тяготеет к регулятивной структуре парадоксально-контрастивного типа, в основе которой лежит амбивалентность образов (А.В. Болотнов, с. 157–166). Восприятие ключевых смыслов лирики **З. Гиппиус** регулируется ассоциативно-образными цепочками (Т.Е. Яцуга, с. 175–198). Доминирующими регулятивами в поэзии **М. Волошина** являются персонификация стихии и метафоризация (А.В. Болотнов, с. 199–211). Для архитектуры стихов **Н. Гумилева** характерны ассоциативные доминанты и вопросно-ответные единства (С.М. Карпенко, с. 211–222). Особую роль регулятивных структур колоративного типа в идиостиле **А. Белого**, **Н. Гумилева** и **И. Северянина** отмечает И.В. Кочетова (с. 222–235). В поэзии **О. Мандельштама** доминируют стратегии имплицитного типа, эффект которых основан на ассоциативном потенциале регулятивных средств (А.В. Болотнов, с. 249–266; А.А. Васильева, с. 311–323).

В целом, сопоставительный анализ регулятивных стратегий в поэзии начала XX в. позволяет судить о большой вариативности способов организации творческого диалога автора и читателя, что важно для изучения лингвистических параметров как поэтической речи в целом, так и идиостиля отдельного писателя. Не вызывает сомнений, что полученные томскими исследователями новые данные о поэтике русской лирики будут интересны не только филологам, но и культурологам.

Третья глава монографии посвящена изучению лексической регулятивности в **прозаических текстах – художественных** (рассказы В. Набокова) и **автобиографических** (автобиографическая проза М. Цветаевой).

В теоретической преамбуле Н.С. Болотнова с опорой на идеи великих предшественников – А.А. Потебни, Л.П. Якубинского, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина и др. – анализирует особенности восприятия поэзии и прозы, обуславливающие различие избираемых авторами регулятивных стратегий. В прозе, по мнению ученого, возрастает роль *лексических микро-*

*структур (микроструктуры повествователей, персонажей, пространственно-временного континуума и др.), сопряженность которых и дает возможность регулировать познавательную деятельность читателя (с. 330). Из текста главы становится ясно, что изучение регулятивности прозы – задача более сложная, чем изучение регулятивов в поэзии, поскольку выявление лексических микроструктур прозаического текста предполагает расширение единиц анализа от отдельных лексических средств к их парадигмам. Очевидно, что задача еще более усложняется, если в качестве регулятивного средства рассматривается **имплицат**.*

Успешную попытку решения этой задачи на материале сборника рассказов В. Набокова «Возвращение Чорба» предприняла Е.А. Бакланова (с. 330–356). В плане общей положительной оценки ее исследования отметим глубокое проникновение в идиостиль писателя, ясность позиции и убедительность аргументации. Конкретизируя сказанное, приведем лишь одну цитату – ключевое рассуждение Е.А. Баклановой, в котором обосновывается на первый взгляд парадоксальная идея рассматривать имплицат в качестве регулятивного средства: «...С точки зрения адресата, регулятивные средства и имплицаты могут не совпадать. С точки зрения адресанта (автора) – совпадают, поскольку и те и другие запланированы им на определенный коммуникативный эффект» (с. 332). Трудно не согласиться с этим доводом!

По мере «погружения» в материалы коллективного исследования томских стилистов читатель убеждается в том, что регулятивность не имеет ограничений в плане выражения, так как по воле создателя произведения управлять его восприятием могут любые единицы – дотекстовые (регулятивные средства), текстовые (регулятивные структуры) и, как доказала Е.А. Бакланова, даже подтекстовые. Таким образом, теория регулятивности позволяет углубить представление о коммуникативной функции языка в целом, а также его отдельных единиц.

Последний параграф третьей главы ярко иллюстрирует сказанное: в нем содержится новаторская интерпретация Н.С. Болотновой **языковой игры** как особого способа регулятивности (с. 356–364). По наблюдениям исследователя, М. Цветаева, будучи блестящим стилистом, «часто обращается к языковой игре, основанной на одновременной актуализации разных ЛСВ многозначного слова; столкновению однокорневых слов; сопряженности дериватов, связанных отношениями противопоставления, сопоставления, особой мотивированности; применяет индивидуально-авторские новообразования; паронوماзию, омонимию» (с. 362). Исследователь показывает, что в автобиографической прозе поэта языковая игра усиливает оценку или характеристику описываемых лиц, обеспечивает точность и смысловую емкость в изображении деталей их поведения, создает легкий юмористический эффект. Как видим, теория регулятивности, оснащенная современной методологией изучения текста, очерчивает перспективу нового подхода к пониманию феномена языковой игры и осмыслению ее роли в текстовой деятельности.

В **четвертой главе** книги исследователи Томской стилистической школы представляют результаты изучения лексической регулятивности в **текстах масс-медиа**, выявляя их специфику по сравнению с художественными текстами.

Считаем необходимым познакомить читателя с характеристикой современных медиатекстов, имеющей ценность для научного осмысления процессов, происходящих в постперестроечной публицистике. Подчеркнем, что данная характеристика соотносится с общей проблематикой книги и демонстрирует приложение теории регулятивности к изучению медиадискурса.

Итак, в текстах современных масс-медиа Н.С. Болотнова выделяет следующие стилистические черты:

1) явную, ярко выраженную регулятивную функцию, обусловленную возрастанием роли прагматичности текста и связанную с доминированием экспрессии над стандартом;

2) расширение способов регулятивности за счет усиления различных форм диалогичности, синкретизма регулятивных средств, многоканальности и поликовости коммуникации;

3) преимущественное использование сильных и ярких регулятивов в связи с открытым, интенсивным воздействием на адресата, а также активизацию иноязычных заимствований и разговорно-просторечных средств;

4) высокую частотность таких *типов регулятивных структур*, как *контраст* и *обманутое ожидание*, в связи с тенденцией к нестандартности развертывания текста; широкое распространение *иронии*, *сарказма*, *ёрничества* и *деидеологизации*;

5) совмещение, с одной стороны, *эксплицитной регулятивной стратегии*, обусловленной открытой оценочностью текста, с другой – *стратегии имплицитного типа*, отражающей тенденцию к эвфемизации изложения и использованию прецедентных текстов (с. 367–368).

Выявленные Н.С. Болотновой общие черты, характеризующие стилистический узуз современной публицистики, получают конкретизацию в исследованиях О.В. Орловой («Проблемы диалогического взаимодействия в современном медиа-пространстве», с. 268–389), И.Н. Тюковой («Лексическая регулятивность в текстах наружной рекламы», с. 389–393), а также Н.С. и А.В. Болотновых («Регулятивные средства и способы создания комического эффекта в современном медиа-дискурсе», с. 393–404).

В подтверждение сказанного приведем некоторые положения четвертой главы, иллюстрирующие ее глубокое и интересное содержание.

Так, сопоставляя разные сферы коммуникации, О.В. Орлова приходит к обоснованному выводу, что в рекламном тексте регулятивное развертывание текста подчинено *манипулятивно-прагматическому коду*, в художественном – *эстетическому коду*, в газетном – *интерактивному коду*, отличающимся друг от друга как регулятивными стратегиями, так и системой регулятивных средств. И.Н. Тюкова на материале текстов наружной рекламы рассматривает *регулятивные структуры синкретичного – вербально-визуального – типа*, репрезентирующие действие одного из законов текстообразования в рекламной коммуникации – *закона прагматически обусловленной экономики речевых средств*.

Обратившись к текстам юмористической программы «Радиодетали» на радиостанции «Эхо Москвы», Н.С. и А.В. Болотновы анализируют *регулятивные средства* (окказионализмы, эвфемизмы, иноязычную лексику, трансформированные фразеологизмы, прецедентные тексты и др.); *регулятивные структуры* (наращивание алогизмов, гиперболизацию, сочетание разностилевой лексики и др.); *способы регулятивности* (контраст, повтор, обманутое ожидание и др.), создающие комический эффект в радиоэфире.

Представляется, что содержание четвертой главы вызовет интерес у самой широкой читательской аудитории, поскольку здесь с учетом регулятивной функции текста полно отражена «публицистическая картина мира» современной России.

Автор **пятой главы** монографии А.В. Курьянович сквозь призму правил, регулирующих общение автора и адресата, анализирует **эпистолярный дискурс** (с. 405–451).

Регулятивную функцию эпистолярных текстов, впервые исследованных в аспекте коммуникативной стилистики, автор главы соотносит с «крайней формой волюнтаристического целенаправленного воздействия на адресата, изменении его мировидения, манипуляции над его сознательными и поведенческими установками, изъятии адресантом собственной воли и ее навязывании адресату» (с. 407). А.В. Курьянович установила, что специфика регулятивности в письмах определяется, во-первых, прямой зависимостью текста письма от экстралингвистических факторов: целевой установки автора, тематического контек-

ста, жанрово-стилевой формы, статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных характеристик коммуникантов и др. Во-вторых, особым эпистолярным диалогизмом, в терминологии исследователя – «моно-диалогизмом» (с. 414), связанным с обращенностью письма одновременно к сознанию автора и сознанию адресата.

Теоретическая значимость этого параграфа заключается в разработке инвариантной структурно-смысловой модели эпистолярного текста и выявлении регулятивных универсалий, обуславливающих принципы его построения. К *коммуникативным универсалиям письма* А.В. Курьянович относит: 1) соответствие текстовой информации требованию «эпистолярного биннома» автор – адресат; 2) соответствие структуры текста эпистолярному композиционному канону; 3) соответствие текстовых единиц, отражающих авторский замысел, инвариантным эпистолярным средствам; 4) соответствие стилевой разновидности письма его жанровому канону (с. 425–426). Варианты речевой реализации обобщенной модели автор главы показывает на материале писем М. Цветаевой, а также на материале современной переписки в официально-деловой, публицистической, художественной, политической, рекламной и других сферах «эпистолярного взаимодействия», в том числе опосредованного электронными устройствами (e-mail, SMS, факсимильная переписка, сообщения на пейджер и мн. др.).

Представленная в главе коммуникативно-стилистическая и типологическая характеристика эпистолярного дискурса, основанная на теории регулятивности и убедительно аргументированная в ходе анализа материала, позволяет читателю осмыслить эпистолярный дискурс как целостную динамическую систему в широком контексте национальной культуры.

В заключение разбора пятой главы приведем два вывода А.В. Курьянович, важных, с нашей точки зрения, для понимания процессов, происходящих в функционально-стилистической системе языка:

1) письмо, будучи изначально первичным жанром разговорной речи, способно трансформироваться, менять свою стилевую принадлежность, приспосабливаться к любой дискурсивной ситуации и порождать вторичные жанры (см., например, письма М. Цветаевой, «перешедшие» из разговорного стиля в художественный; стилистически модифицированные рекламные и PR-письма; письма политиков избирателям и др.) (с. 447–448);

2) несмотря на свою стилевую гибкость и дискурсивную гибридность, письмо остается устойчивым узальным жанром, функционирующим практически во всех сферах коммуникации и сохраняющим при этом инвариантные структурные и стилистические признаки (с. 449).

Как видим, сопоставление эпистолярных текстов разных временных срезов позволяет судить не только о динамике этой специфической сферы коммуникации, но и о динамических процессах в системе функциональных разновидностей языка в целом.

Завершая разбор монографии, поделимся своими наблюдениями относительно характера той регулятивной стратегии, которую избирает сама Н.С. Болотнова как научный редактор рецензируемой работы.

Информационное пространство книги организовано таким образом, что каждая ее глава начинается теоретическим разделом, углубляющим содержание ключевых понятий концепции с учетом уже известного читателю «левого контекста» и одновременно с учетом информации, которую предстоит усвоить. Такую регулятивную стратегию можно назвать целенаправленной коммуникативной избыточностью текста. Эффективна ли она в данном случае? Безусловно, эффективна. Коммуникативная избыточность текста книги снимает трудности понимания ее интеллектуального содержания, связанные с многоаспектностью описания феномена регулятивности, колоссальным объемом демонстрационного материала, а также с особенностями стиля изложения каждого из 13 авторов. Развернутые вариативные повторы как стержневое регулятивное средство в рамках названной

стратегии фиксируют логику изложения, помогают ориентироваться в терминосистеме теории и в пространстве книги в целом, формируют читательские ожидания и в конечном счете способствуют более полному и глубокому усвоению текста.

Как видим, возможности дальнейшего развития теории регулятивности и ее применения к анализу других речевых разновидностей языка очевидны, ведь особым регулятивным законам подчинены не только научные произведения, оставшиеся за рамками рецензируемого исследования, но и официально-деловые, религиозные, разговорные тексты, также требующие интерпретации посредством методов теории регулятивности. Это еще один аргумент в пользу продуктивности и перспективности изложенной в книге научной концепции.

Обобщая все вышесказанное, подчеркнем, что коллективная монография «Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности» утверждает новый этап в развитии российской стилистики. Для этого этапа характерен комплексный подход к тексту, интегрирующий коммуникативный, когнитивный, лингвокультурологический, лингвопрагматический и другие аспекты его изучения. Авторы монографии доказали, что каждый из этих аспектов так или иначе связан с регулятивностью как системным качеством текста, отражающим его способность не только передавать информацию, но и управлять познавательной деятельностью адресата.

Фундаментальность и синтетичность разработанной концепции, ее антропоцентрическая и социокультурная ориентированность наряду с ясностью процедур анализа текста обеспечили авторскому коллективу достижение нового знания о коммуникативной природе текста и речевой деятельности в целом. Созданная профессором Н.С. Болотновой теория регулятивности, ставшая эпистемическим ядром монографии и доказавшая в ней свой высокий эвристический потенциал, открывает неисчерпаемые возможности в изучении текста во всей совокупности детерминирующих его лингвистических и экстралингвистических факторов.